

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИФАНОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Из истории становления словацкого литературного языка:
кодификация А. Бернолака и формирование нормы в
текстах бернолаковцев А. Руднаи и Ф. К. Габела**

Как известно, первая кодификация словацкого литературного языка была осуществлена в 1787–1790 гг. католическим священником Антоном Бернолаком, описавшим фонетическую и морфологическую системы этого языка [Bernolák 1964], а позже составившего шеститомный “Словарь словацкий, чешско-латинско-немецко-венгерский” [Bernolák 1825–1827], кодифицировавший лексический состав. До настоящего времени, однако, нормы литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком, в значительной степени не выявлены. Как правило, в научном обороте используется языковой материал самой кодификации и лишь изредка приводятся примеры из реальных текстов, созданных отдельными авторами. Между тем, большое количество дублетных форм в кодификации А. Бернолака, а также элементов, имеющих среднесловацкое происхождение либо представленных прежде всего в среднесловацком диалекте, позволяют предположить, что реальная практика использования бернолаковщины имела существенные отличия от кодификации.

Среднесловацкие элементы в кодификации А. Бернолака имели различный статус: одни из них были кодифицированы как единственно возможные (напр., причастия на *l* мужского рода от глаголов с основой на согласный со вставным гласным *o* типа *pékol*), другие допускались наряду с основными, несреднесловацкими, элементами (напр., формы творительного падежа ед. числа существительных женского рода с флексией *-ow* наряду с основной флексией *-ú* типа *owcí* (*ow*)), третьи же спорадически могли появляться в некоторых формах или лексемах (напр., дифтонги: см. ниже). Однако при очевидной ориентации Бернолака в ряде случаев на среднесловацкие диалекты, авторы-бернолаков-

цы в основном либо были западнословацкого происхождения, либо получили образование в западнословацком регионе, прежде всего в Трнаве. Это создавало определенную напряженность между кодификацией и реальной практикой.

Если исходить из положения, что норма литературного языка не может возникнуть одновременно, а формируется при его практическом использовании в течение определенного периода времени, возникает вопрос о том, какие языковые элементы, кодифицированные А. Бернолаком, действительно стали нормой, а какие, напротив, оказались за ее пределами.

Данная задача представляется чрезвычайно актуальной для словакистики. Выявить реально существовавшую норму бернолаковщины возможно путем изучения и сопоставления текстов на этом языке, созданных различными авторами и относящихся к разным жанрам, не ограничиваясь языком произведений наиболее крупных писателей, использовавших бернолаковский литературный язык, к которым относятся поэт Ян Голлый и прозаик Юрай Фандли. В данной статье на фоне кодификации А. Бернолака рассматривается язык духовных произведений католических авторов-бернолаковцев: оригинальные проповеди Эстергомского архиепископа и кардинала Венгрии Александра Руднаи (1760–1831), изданные после его кончины Юраем Палковичем [Rudnay 1833], и перевод с немецкого языка религиозного трактата “Учение мудрости христианской...”, который осуществил Франчишек Ксавьер Габел (1760–1846) [Habel 1804] — приходской католический священник в местечке Тепла. Оба автора были родом из северо-западной Словакии.

Как мы и предполагали, анализируемые тексты характеризуются существенными отклонениями от кодификации, причем эти отклонения в обеих публикациях оказываются аналогичными, то есть затрагивающими одни и те же фонетические элементы и морфологические формы. Основным направлением этих изменений оказывается возврат к традиционным формам и огласовкам, которые характеризовали словацкую письменность добернолаковского периода. Объясняется это тем, что за основу кодификации литературного языка А. Бернолак взял не тот классический вариант католической письменности, который сформировался в Трнаве и ее окрестностях (как это принято считать), а ее средне-словацкий вариант. Об этом, по сути, пишет сам А. Бернолак в своем “Филологическо-критическом рассуждении о словацких письменах...”, заявляя, что кодифицировано должно быть правильное словацкое произношение. “Но какое же словацкое произношение, спрашиваешь ты, является правильным, если в каждом комитате Венгрии, в котором ис-

пользуется словацкий язык, оно другое? — То, мы говорим, которое используется в местах, в наибольшей степени отдаленных от чехов, мораван, поляков и венгров. Те, кто соседствуют с чехами и Моравией, что-то заимствуют из их наречия; так же, как почти переходят на польский язык те, кто живет на границах с ними; грубее всего, однако, говорят те, кто живет вперемешку с венграми...” [Bernolák 1964, 95, 97]. Если учесть, что к Моравии примыкает Западная Словакия, к польскому языку по ряду особенностей близок восточнословацкий диалект, а венгры компактно проживают на юге Словакии, получается, что А. Бернолак, говоря о правильном словацком произношении, имеет в виду северную Среднюю Словакию. При этом он подчеркивает, что “[...] и в названных местах в качестве нормы следует брать не столько произношение простых людей, сколько людей образованных, ученых и в наименьшей степени радеющих за богемизмы” [Bernolák 1964, 97].

Особенностью данного среднесловацкого варианта добернолаковского письменного языка было то, что в него проникали среднесловацкие особенности, которые, однако, не вытесняли элементы западнословацкого происхождения, а в той или иной степени функционировали параллельно с ними. Весьма сходной предстает и кодификация А. Бернолака, в которой среднесловацкие элементы либо появляются как спорадические, либо выступают в качестве допустимых при основных западнословацких формах, либо даже являются основными при допустимых западнословацких формах. Лишь в отдельных случаях, когда те или иные элементы распространены не только в среднесловацком диалекте, но и в некоторых говорах западнословацкого диалекта, они предстают в кодификации как единственно возможные.

Как показывает анализ текстов, написанных на кодифицированном А. Бернолаком словацком литературном языке, классический западнословацкий (трнавский) вариант был чрезвычайно устойчивым, вследствие чего при реальном функционировании бернолаковщины наблюдается значительное ослабление элементов, представленных в основном в среднесловацком диалекте. Иными словами, традиционными (западнословацкими) элементами вытесняются среднесловацкие, являющиеся по отношению к трнавской письменности периферийными. Такое вытеснение могло происходить разными способами. Наиболее очевидно это проявляется в тех случаях, когда единственный кодифицированный А. Бернолаком элемент заменяется другим, имеющим однозначно западнословацкое происхождение. Подобное наблюдается, например, в причастиях на *-l* со вставным гласным *-o-*, которые в рассмотренных текстах не употребляются вовсе, см. примеры:

prewišuge wšecker, čobi gá k Wichwálení gég récti *mohel* (R); Keď Náthan Prorok Dáwid Králowi weľiku Neprávost', a Ohawnost' Cudzoložstwa, a Mordárstwa, do kterého bol *upadel*, pod cudzím Ménom *prednéseľ* (R); požehnaní Boh, ktorí *neodtáhel* Modlení moge, a Milosrdenstwi swé ode mňa (R); Tuto tak znamenitu Prawdu w upľne Swetlo *uwédel* swatí Gakub Apoštol (H); Kdiž tehdi preswedčení sme, že Boh nečo *rékel*... (H).

И это несмотря на то, что изоглосса форм этих причастий со вставными *-o-* и *-e-* проходит по территории распространения трнавского говора [Štolc 1994, 101–102], иными словами, формы со вставным гласным *-o-* представлены в самом трнавском говоре. В еще большей степени вытеснение это проявляется при употреблении форм творительного падежа ед. числа существительных мужского и среднего родов. А.Бернолак кодифицирует для этого падежа флексию *-om*, распространенную не только в среднесловацком, но и в западнословацком диалекте, за исключением окраинного загорского говора последнего, однако в изученных текстах фиксируются дублетные формы как с названной флексией, так и с флексией *-em*:

Ľútosť mám nad *Zástupom*, nebo hľe už za tri dňi trwagú se mnú (R); nebo ne ľen samím *Chlebom* žiw ge Člowek (R); a preto zawrem tuto Predmluwu s tím *Porekadlom* (R); Zdáliš može zapomenuť Žena nad *Nemluwnátkom* swím, abi sa nezlutowala nad *Sinom* Žiwota swého (R); Otdať priroďením *Spóšobom* nasleduge, že... (H); Zaprem ho i gá pred *Otcom* mogím (H); To činili tak mnozí, kterich Cirkew pod *Ménom* Mučedelňikow cťi (H) — *Slowem*: na Příklad Pohanow druhého sebe Boha, buďto ne *Skutkem*, ale z Mislú, a *Srdcem* učiniť sa opowažugú (R); na nás milosrdním *Okem* nepohlédnuť (R); i samu Smrt podstúpiť, nežľi od Wiri gakímkoľwek *Spúšobem* sa dať odlúčiť (8).

Данное отклонение от кодификации А. Бернолака представляется вполне ожидаемым, поскольку для добернолаковской католической литературы было характерно употребление обеих форм [Лифанов 2000, 94–95].

Другим примером аналогичного типа является употребление форм прилагательных мягкой разновидности с гласным *-í* во флексии, не характерной для большей части западнословацких и среднесловацких говоров, за исключением окраинных загорских, но находящей поддержку в чешском языке. А. Бернолак же кодифицирует типичные западнословацкие формы с гласным *-e*, ср. примеры из перевода Ф. Кс. Габела:

toho *nagľibeznegšího* Owoca Wiri (H); Nemáme aňi čo *nagmensího* sa obáwať (H); Štiri tito wčil poweďené Prawdi sú *nagprednegšé* a *nagpotrebnegšé* Učeňi kresťanskég katolickeg Wiri (H).

Приведенные формы были распространены в католической литературе добернолаковского периода [Лифанов 2000, 89–90].

Такого типа отклонения от кодификации А. Бернолака, однако, не обязательно реализовались в бернолаковщине на практике. Так, в рассмотренных текстах на месте сочетания плавного с редуцированным нами были зафиксированы только формы со слоговым, а на месте редуцированного с *l* в позиции после язычного согласного представлены варианты со слоговым и без него, хотя в загорских говорах (а также в тренчинских и в чешском языке) в этих случаях слоговые отсутствуют. В кодификации же А. Бернолака слоговые представлены непоследовательно [Habovštiaková 1968, 127], то есть сдвига по направлению к ситуации в загорских говорах не происходит, а скорее, наоборот, ср. примеры:

že Krw kresťanská pod veľikím, a toľko Rokow trwagícim Prenasledováňim wilátá (R); *kterému swoge vlastné Ťelo a Krw dáwá* (R); *nebud'et'eľi gest' Ťelo Sina Čloweka, a piť Krw gehu* (H); *neb skrze Krst, w Kristu znouwu narod'ení sú* (H); *Stworil Slnko, abi nám swiřilo* (R); *čo gedna Klapka proti hlbokému, a nesmírnému Mori* (R); *Prigmit'e milí Fárňici! Prawdu tuto hlboko do Srdca, rozwař'e si gu náležit'e* (H); *Bohu gakřto Pánowi neskončeňe všemohúcému podľní sme* (R); *Cirkew posluchař rozkázał, která ge Stlp, a Upewneňi Prawdi* (H); *Písma S. čo geden druhému podľuňi sme nám ukazujú* (H); *nebo Kristus neb ona gakže Stlup a Utwrďeňi Prawdy* (H).

Отклонение в употреблении форм адъективалий родительного, дательного и предложного падежей ед. числа женского рода имеет несколько иной характер, так как в данном случае изоглоссы употребления форм с флексией *-ej*, кодифицированной А. Бернолаком, объединяют среднесловацкий диалект с окраинным загорским говором западнословацкого диалекта и противопоставляют их соответствующим формам с флексией *-ěj*, представленной во многих западнословацких говорах, включая трнавский [Štolc 1994, 101, 104]. В рассмотренных же текстах последовательно употребляются некодифицированные западнословацкие формы, ср. примеры:

s Príhodi takowich, které ze slobodnég Wól'e ludskég pochádzagú (R); *která nedá Pomeřkáňa kresťanskég Duře, aľe gu ustawične k Wiplneňi kresťanských Čnosťi podzbudzuge* (R); *od Boha wlátá Čnosť, wedla kterég on všeco pewňe, a nepochibňe za Prawdú drži* (H); *o nebeskég Odpla'e, Poku'e pekelnég, a geg wečném Trwáňi* (H).

Возвратом к предшествующей норме является также употребление форм именительного и винительного падежей ед. числа существительных среднего рода с основой на функционально мягкий согласный. Если А. Бернолак кодифицирует названную форму с флексией *-e*, то в

рассмотренных текстах фиксируется соответствующая форма с флексией *-o*, употреблявшаяся в текстах добернолаковского периода [Лифанов 2000, 85] и характерная для многих говоров западнословацкого диалекта, например:

o kterich ged'ine *Srdco* twé Swedectwí widat' može (R); že obrát'í *Srdco* mé k prawému Pokáňú (R); Wšak bez Wíri, *Srdco* naše skrz Hrich porušené (H).

Сдвиг по направлению к западнословацкому диалекту наблюдается также в тех случаях, когда А. Бернолак кодифицирует дублетные формы, западнословацкую и среднесловацкую, однако в изученных текстах употребляется только западнословацкая. Яркими примерами такого типа являются среднесловацкие формы творительного падежа ед. числа существительных женского рода, а также некоторых личных местоимений с флексией *-ou* (графически *ow*) и предложного падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода с флексией *-om*. Названные формы были кодифицированы наряду с западнословацкими соответственно с флексиями *-ú* и *-ém*. Примечательно, что в рассмотренных текстах не употребляется не только среднесловацкая форма, которая является лишь допустимой, как в случае с формой творительного падежа с флексией *-ou*, но и основная, каковой в кодификации А. Бернолака является флексия *-om*, например:

- твор. падеж ед. числа: Kázne prihodné, ai iné, to gest: 82 Reči duchowních, od nebohého Arcibiskupa Ostrihomského w Krušowcách nekdy predneseních, a vlastnú *Rukú* spísaních (R); že čím náhl'e Boh nagwišši gích z wolagakú *Nemocú*, aneb Neščasťim, *Psoťú*, aneb Trápeňim nawštiwit' ráči (R); Lútost' mám nad Zástupom, nebo hl'e už za tri dňi trwagú se *mnú* (R); Nebo ona ge Dar, ktorí Boh Duši, pri Krst'e, spolu ag s poswácagícú wniternú *Milostú* uďeluje (H); prosme geho wrucňe, a s každod'ennu *Modl'itbu*¹ našu (H); žádné Stworeňi swú wlasnú *Mocú* učiňit' neňi dostatečňe (H);

- предл. падеж ед. числа: podla Času toťišťo, w *kerém* boľi držané, a ne podla Formi, gaku na Ťele swém magú (R); to w treťég Stránke Kázňe még nakrátce dokád' predložím, nepochibugem o *bedliwém*, a *trpezliwém* Poslúcháňi (R); O tego tak wážneg Weci w *prítomném* Rozmluwáňi wás, na toľko winaučím, nakol'ko... (H); wipisuge i Prihodi nagznamenitegšé, které sa stal' až do Príchodu Spasitela, obzlášťne pri Národ'e *židowském* (H).

Подобный же сдвиг обнаруживается и в фонетической системе бернолаковщины, проявляющийся в том, что в рассмотренных текстах полностью отсутствуют дифтонги, тогда как А. Бернолак допускает их употребление, причем даже кодифицирует в некоторых глагольных формах. Так, например, у глагола *wed'et'* в качестве основной он кодифицирует формы настоящего времени с дифтонгом, например форму 1 л. ед. ч.

wgem [Bernolák 1964, 221], однако в тексте А. Руднаи обнаруживаем лишь форму с долгим монофтонгом:

Zwolagme tehda Kresťane milí ze swatím Pawlom: *wím*, komu sem weril Pane! (R); ano ne ľen *wí*, ne ľen *wid'í*, aľe ai Bolest'í, naše Potrebi, naše Psoti, naše Súžeňi ho naklonugú (R).

Также была обнаружена только форма настоящего времени глагола с основой инфинитива на согласный без дифтонга, хотя А. Бернолак допускал и формы с дифтонгом: *Kterí nás w kresťanských Čnosťach cwíči*, a k Dokonálost'í ewand'el'ickég nás *priwede* (R).

В некоторых случаях фиксируются явления, свидетельствующие об изменении иного характера: утрате традиционной формы, характеризовавшей язык словацкой письменности, и появлении вместо нее общесловацкой формы, представленной в народной речи. В качестве примера приведем замену в текстах форм адъективаций с чередованием парных согласных по твердости-мягкости ($n \sim \tilde{n}$, $l \sim \tilde{l}$, $t \sim \tilde{t}$, $d \sim \tilde{d}$) или заднеязычного согласного с соответствующим шипящим ($ch \sim \tilde{s}$) или свистящим ($k \sim c$, $h \sim z$) соответствующими формами без чередования. По нашим данным, подобные чередования устойчиво сохранялись в языке добернолаковской духовной литературы [Лифанов 2000, 97], однако в изученных бернолаковских текстах выявляются и формы без чередований:

Predešle swetskími Mišlenkami, a Žádostami *nadutí*, waďiľi sa medzi sebú (R); Skrz Wečeru tu weľiku, o kτέρég d'ňešná swatá Ewand'el'ie Zmínku čiňi, običag'ne *swatí* Otcowé, a *cirkewní* Učitele wirozumugú poslednú tu Wečeru ... (R); Sú tég Običage nekterí, bodag ne *mnohi* Kresťane, že čím náhľe Boh nagwišší gích z wolagakú Nemocú, aneb Nešťastím, Psotú, aneb Trápeňim nawšťiwiť ráči (R); Poňewáč aľe stud'enegší sú *mnohi* Kresťane Času wčilagšého... (R); Nemáme aňi čo nagmenšího sa obávať, že bi sme *sklamani* boli (H); O tichťo wážních Prawdách Wíri osobit'ne konat' bud'eme, abi s'e w nich *winaučení* boľi (H) — Prawda ge od swatého Pawla potwrďená: že „ačkoľwek sú Bohowé a Páni *mnozi* mi wšak máme gaďiného Boha Otca, a geďiného Pána (R).

В тексте проповеди А. Руднаи был обнаружен пример с отсутствием чередования заднеязычного со свистящим в форме предложного падежа ед. числа существительного женского рода. Чередования в названной форме также являлись устойчивыми в добернолаковском языке и были кодифицированы А. Бернолаком:

to w tref'ég *Stránke* Kázňe még nakrátce dokáď predložim, nepochibugem o bedliwém, a trpezliwém Poslúcháňi (R).

В рассмотренных текстах выявляются и другие примеры, также свидетельствующие о возврате к особенностям предшествующей письмен-

ной традиции, которые не имеют диалектного характера. Так, в языке добернолаковской литературы² в течение длительного времени действовал механизм замены фонем *c* и *dz* соответственно фонемами *t'* и *d'*. Его действие было обусловлено тем что создатели текстов воспринимали ассимилированные *c* и *dz*, то есть возникшие из *t'* и *d'*, как не относящиеся к письменному языку, поэтому они последовательно заменяли их на соответствующие мягкие согласные. Это явление автоматически распространялось и на аналогичные согласные, возникшие из праславянских сочетаний **tj*, **dj*. В отношении последних, однако, к середине XVIII века этот механизм действовал уже крайне непоследовательно, и соответствующие согласные проникли в фонетическую систему письменного языка. Как показывают изученные тексты, рецидивы действия этого механизма сохранялись и позже даже в бернолаковщине, демонстрируя таким образом ее неразрывную связь с предшествующей письменной традицией. В частности, например, такой замене подвергалась фонема *dz*, даже если она восходит не к *d'*, а к **dj*, ср. примеры:

Ked' na Hawranow zabudnut' nemože, gako, prosím, *powed't'e* (совр. лит. *powedzte*) ,dá zahinut' Člowekowi w sebe úfagícému (R); Už aľe bud'to Modľitba sama w sebe ze swég *Prirod'enost'i* (совр. лит. *prirodzenost'*) nemá tu Moc, a Wládu, abi prawu Wíru v nás zbud'it' , a spósobit' mohla (R); a žádnén *prirod'ení* (совр. лит. *prirodzený*) Wt'ip to nepochibňe predpowedať nemože (H).

В противоречии с выраженной тенденцией усиления западнословацкого характера бернолаковщины по сравнению с ее кодификацией в проповедях А. Руднаи мы обнаружили форму родительного падежа ед. числа одушевленного существительного мужского рода, употребленную со среднесловацкой флексией *-u*, тогда как А. Бернолак кодифицировал форму с западнословацкой флексией *-i*: *Slowa sú swatého Gána Ewand'elistu* (R). Это единичное исключение, по нашему мнению, лишь подтверждает общее правило.

Итак, проведенный анализ показал, что между кодификацией и реальным употреблением бернолаковщины существовали значительные различия, которые были связаны с тем, что предшествующая языковая норма оказалась чрезвычайно живучей, и поэтому, вступая во взаимодействие с предложенной А. Бернолаком кодификацией, формировала норму бернолаковщины. При этом под влияние прежней нормы попадали те явления среднесловацкого происхождения, которые в кодификации имели как спорадический характер, так и кодифицированные А. Бернолаком в качестве обязательных и единственно возможных. По своей диалектной принадлежности отклонения от кодификации представляли собой либо широко распространенные явления в говорах за-

паднословацкого диалекта, либо имеющие параллели лишь в окраинных загорских говорах и в чешском языке. Выявленные расхождения между кодификацией и реальным употреблением бернолаковщины можно расценивать как позиции, по которым следует провести сопоставление других текстов, написанных на этом языке и относящихся к другим жанрам письменности, с целью установления реальных норм бернолаковщины и их возможной жанровой дифференциации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим, что в указанной флексии наблюдается спорадическое сокращение долготы.

² Данное явление было распространено в текстах западнословацкого и средне-словацкого происхождения, тогда как при создании текстов в Восточной Словакии этот механизм часто нарушался.

ЛИТЕРАТУРА

- Bernolák A., 1825–1827: *Slowár Slowenský, Češko-Lat'insko-Ňemecko-Uherský*. Buda.
- Bernolák A., 1964: *Dissertatio philologico-critica de literis slaorum, de divisione illarum nec non accentibus. Grammatica slavica // Gramatické dielo Antona Bernoláka*. Bratislava.
- Habel Fr. X., 1804: *Učení Múdrost'i kresťanskég skrz které chudobní (neskazeného Srdca) ewand'elizowani to gest: w Prawd'e k Spaseñi wečnému wedúcég oswiťení biwagú poznagíce to; že: Múdrost' tohoto Sweta Blázñiwoť ge u Boha. Z Rozkazu, a Nákladem Oswiťeného Pána Pána Frančiška Xav. Fuchs z Milosrdenstwi Božího Biskupa Nitranského, widané, a z nemeckého na slowenski gazik prenese-né skrz Frančiška Xav. Habel, Farára Teplanského, V. A. Diacona Trenčanského. Prwñá Stránka O Wíre*. Trnawa.
- Habovštiaková K., 1968: *Bernolákovo jazykovedné dielo*. Bratislava.
- Rudnay A., 1833: *Kázne prihodné ai iné, to gest: 82 Rečí duchowních, od nebohého Arcibiskupa Ostrihomského w Krušowcách nekdi predneseních, a vlastnú Rukú spísaních*. Trnawa.
- Štolc J., 1994: *Slovenská dialektológia*. Bratislava.
- Лифанов К.В., 2000: *Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака*. Москва.

KONSTANTIN V. LIFANOV

**From the History of Formation of the Slovak Literary Language: A. Bernolák's
Codification and Norm Formation in Texts of Bernolák's Supporters
A. Rudnay and Fr.K. Habel**

This paper deals with Bernolák's codification in comparison with the real form of Bernolák's literary language presented in sermons of the Hungarian Cardinal A. Rudnay and translation of the religious treatise from German by Fr. X. Habel. This comparison shows that in real practice Bernolák's language changed its character, coming nearer to norm of traditional Slovak writing. As a result typical elements, the most widespread in a West Slovak dialect or characterizing peripheral the Záhorie dialect of West Slovakia and the Czech language, forced out the elements concentrated in the Central Slovak dialect. The found out phenomena testifies that the norm essentially different from codification was formed in Bernolák's language.